

И. В. Побережников
**ПРИРОДА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРИЧИННОСТИ:
 АКТОРЫ И ФАКТОРЫ**

Антропологический поворот

Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. прошли в гуманитарном знании, в том числе и в историческом, под знаком антропологического поворота, легитимировавшего многогранное изучение индивида в его повседневной эмоциональной, культурной, интеллектуальной жизни, его стилей и стратегий поведения, отдельных жизненных ситуаций; восприятия человеком себя самого, своего возраста, статуса, здоровья, телесности, пола, сексуальности, женского и мужского, нормативно-правовых и религиозных предписаний, природного и социального ландшафта; кросс-культурного разнообразия жизненного опыта людей в разных социальных группах, культурах.¹ При этом данный тренд, связанный с распространением методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики, литературоведения, с формированием устойчивого интереса к микроанализу, явился своеобразной реакцией на предшествующее «засилье» структурных подходов (социально-структурная история 1950–1960-х гг.),² ори-

ентировавших исследователей на анализ внеличностных структур с опорой на массовые источники и количественные методы.

Одной из теоретических основ антропологизации гуманитарного познания является методологический индивидуализм (номинализм), весомый вклад в обоснование которого внесли философы, экономисты, социологи. Согласно данному подходу, история уникальна, поскольку творится уникальными существами — людьми, — и, естественно, не может быть объяснена как целое или единый процесс, как утверждает один из сторонников методологического индивидуализма Р. Арон.³ Из такой посылки вытекает невозможность экстраполяции результатов, полученных на основе анализа опыта прошлого, который в итоге обретает антропологическую самодостаточность и «герметичность».

Следствием антропологического поворота стал ряд методологических новшеств в исторических исследованиях, в частности анализ поведенческих стратегий. Концептуальная схема жизненных стратегий фокусируется на человеческой деятельности по достижению интересов. Вариантом подобного анализа является акторная модель финского исследователя Тимо Пиирайнена, представляющую собой, по существу, попытку совместить модернизационную перспективу с деятельностным (акторным) подходом с целью объяснения перехода от плановой экономики к рыночной в постсоветской России.⁴ В действительности вряд ли теорию рационального выбора возможно широко использовать в исторических исследованиях, поскольку она редуцирует тотальную сложность социальной жизни, сводя ее к понятиям экономического расчета и сделки, и объясняет лишь ограниченную область социальной жизни. Но говорить о деятельности по достижению интересов (жизненные стратегии) можно применительно к разным историческим эпохам. При этом необходимо помнить, что жизненные интересы имели различную природу в разные пе-

¹ См.: Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; Он же. История в человеческом измерении (размышления медиевиста) // НЛО. 2005. № 75. С. 38–63; Бёрк П. Историческая антропология и новая культурная история // НЛО. 2005. № 75. С. 64–91; Решина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 167–181; Она же. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Кром М. М. Историческая антропология. СПб., 2004; Бюрджер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного: в 2 кн. М., 2003. Кн. I. С. 191–219; Головин А. В. Историческая антропология: метод крупного плана // Стратегия и практика исследовательского поиска в отечественной истории: региональный аспект. Екатеринбург, 2012. С. 25–35; Ким С. Г. Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. Томск, 2002; Кузнецов А. И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 366–385.
² См.: Уваров П. Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по территориальным актам. М., 2004. С. 26–40.

³ Арон Р. Введение в философию истории // Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000.

⁴ См.: Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. Helsinki, 1997.

риоды прошлого, изменялся и удельный вес воздействующих на них факторов (расчет и оптимизация, ценности, традиции, аффекты — основные типы поведения, согласно известной схеме М. Вебера).

Широкое распространение получили аналитические схемы, акцентирующие взаимодействие между индивидами, творение истории в процессе реализации ими своих индивидуальных стратегий. Подобный подход можно встретить во многих работах, выполненных в русле современной исторической антропологии, микроистории и так называемой исторической социологии. Одним из первых, как мне представляется, дал теоретическое обоснование данного подхода и впоследствии его апробировал в рамках фигуративной социологии Н. Элиас.⁵ Ученый отвергал социальные объекты, имеющие постоянный и неизменный характер. Социальные структуры, по его мнению, представляют собой своего рода образы, которые непрерывно создаются и пересоздаются вследствие постоянно происходящих действий и взаимодействий. Эти образы развиваются во времени, при этом закономерности их развития являются обычно непреднамеренными и непредвиденными.

Еще одним следствием антропологического поворота стал так называемый конструктивистский подход, согласно которому социальная реальность трактуется не как данность, а как конструктор. В частности, дифференциация обществ на традиционные и современные квалифицируется как искусственная, а «традиция» объявляется по преимуществу изобретением XIX–XX вв., конструируемым нередко государством при участии ученых.

Продуктивность антропологического подхода при изучении истории не вызывает сомнений и не требует дополнительных доказательств. Но возможна ли «антропологически ориентированная» история как единственный и универсальный подход, безальтернативный ключ к дверям в прошлое? Не будет ли сведение исторического познания к «антропологическому фильтру» редуциацией?

Как нам кажется, в действительности представление об уникальности исторических явлений и процессов является сильным преуве-

личением, поскольку человеческие действия в ходе социального взаимодействия «рутинизируются», типизируются, «резюмируются» в виде определенных культурных и социальных норм, которые с различной степенью жесткости регулируют поведение индивидов, реакции же большинства людей на те или иные внешние факторы подвергаются стандартизации.

«Антропологический акцент» истории не следует абсолютизировать еще и потому, что на самом деле результирующая реальной истории всегда дистанцирована от того, что планировали стремящиеся изменить ее субъекты. Современность лишь подтверждает с неумолимостью данную максимум («оранжевые революции», «арабская весна»). В реальности историку приходится постоянно объяснять-понимать (иметь в виду) как человеческие действия, так и надындивидуальные силы, участвующие в плетении нитей истории.

Инфраструктурная зависимость

Человек в истории живет и действует не в идеальном экспериментальном вакууме, но в реальном историческом контексте. На него «воздействует», лимитируя его возможности выбора и своеобразно направляя его действия, историческое наследие в широком смысле слова: материальная и культурно-символическая инфраструктура, антропогенно модифицированный ландшафт, созданные человеком материальные и духовные объекты.

Вряд ли сегодня возможно вести речь о жесткой детерминации настоящего прошлым, но тяготение «рока» прошлого над моментом настоящего историки всегда ощущают и замечают. Имеется в виду общее вероятностное воздействие предшествующих эпох на последующие (прошлое — на настоящее и будущее). Наследие предшествующих поколений — технологии, материальные и институциональные инфраструктуры, геополитические и символические ландшафты и т. д., — несомненно, устанавливает рамки для деятельности современных исторических персонажей. Конечно, они могут внести много нового в унаследованное состояние, модифицировать, трансформировать его. Тем не менее, вероятностное давление прошлого на последующее развитие будет несомненным, причем оно будет накладывать отпечаток на персональную деятельность и проявляться и через нее, поскольку историю делают люди, но не абстрактные («человек экономический», «человек рациональный»),

⁵ См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. М.; СПб., 2001.; Он же. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.

а «отягощенные» собственным индивидуальным историческим опытом, который влияет на их мировосприятие, поведенческие установки, жизненные стратегии.

Человек, в частности, испытывает «давление» со стороны институтов, созданных предшествующими поколениями, что порождает эффект траекторной зависимости, или зависимости от предшествующего маршрута развития, программирующей в действительности разновекторный характер страновых динамик.⁶ Неформальные институты (культура, традиции, система ценностей, стереотипы поведения) являются главной частью институциональной системы, напоминая невидимое основание айсберга. Они отличаются устойчивостью, трансформируются очень медленно (путем «малых приращений»), сопротивляются переносу чуждых институтов из других обществ или культур. Вследствие этого векторы последующего развития всегда заданы всей предшествующей институциональной историей общества.

Современная институциональная теория объясняет эффект институциональной преемственности свойством возрастающей отдачи институтов (влияние института на общество возрастает прямо пропорционально длительности существования самого института и количеству людей, деятельность которых им регулируется) и сетевыми эффектами (скоординированной взаимосвязанностью существующих устоявшихся институтов).⁷ По мнению Л. Харрисона, наиболее важные измерения неформальной институциональной системы, значимые для перспектив развития, включают: 1) степень отождествления с другими членами общества, т. е. «радиус доверия», или чувство общности; 2) степень ригидности системы морали; 3) стиль и методы отправления власти; 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям, прибыли.⁸

Апробируя предложенный подход, Л. Харрисон предпринимает попытку объяснить замедленное и субоптимальное развитие Испа-

нии до последней четверти XX в. (в частности, такие черты, как неспособность создать стабильные институты демократического правления; авторитаризм; отсутствие эффективного гражданского контроля над военными; слабо развитая экономика; низкий уровень грамотности населения; низкая продолжительность жизни; крайне неравномерное распределение земли, дохода и богатства). Автор объясняет длительную приверженность испанского правительства политическому курсу, который не способствовал политическому плюрализму, экономическому росту и установлению социальной справедливости, институционально-культурными особенностями испанцев, «действием мощных и упорных культурных традиций».

Во-первых, это крайний испанский индивидуализм и низкое чувство общности, узкий круг отождествления, ограниченный семьей (*soberbia* — чрезмерная гордость с оттенками заносчивости, надменности и тщеславия, «сверхиндивидуализм», по выражению известного филолога Ф. Диас-Плаха), которые блокировали развитие таких условий экономического роста, как координация, предвидение и методичность, коллективная дисциплина. Указанные выше особенности испанского характера, исключая из жизни компромисс, стимулируя антиобщественное поведение, наоборот, способствовали длительному сохранению авторитаризма. Во-вторых, это чрезвычайная «эластичность» традиционной иберо-католической морали, характерное для католицизма чередование греха и раскаяния, покаяния и отпущения одних грехов и совершения новых. В-третьих, это жесткий авторитаризм, преобладавший в политике и управлении государством, подавлявший способность к творчеству и несогласию. Наконец, в-четвертых, по существу, отрицательное традиционное иберо-католическое отношение к труду, новшествам и прибыли (католический фатализм, жизнь настоящим; «презрение к физическому труду, бизнесу, технологическим знаниям и негуманитарному образованию»), что имело негативные последствия для инвестиций, являлось тормозом для развития предусмотрительности, бережливости.⁹ По мнению одного эксперта, которое приводит Л. Харрисон, «в кастильском обществе богатство в целом воспринималось не как что-

⁶ См.: Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 139–150; Он же. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Там же. С. 183–207; Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Там же. С. 228–256.

⁷ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

⁸ См.: Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008.

⁹ Там же. С. 64–70.

то, что человек создал или построил, т. е. работал, но как нечто, что человек завоевал или чем он может наслаждаться потому, что обладает статусом воинственного победителя, дворянина».¹⁰

Экзогенная причинность

Еще один надындивидуальный фактор, микширующий действие антропологического, это экзогенная причинность. Открытием 1950–1960-х гг. явилась глобальная экзогенная причинность. Благодаря парадигме зависимости¹¹ и мир-системному анализу¹² стало ясно, что страновые динамики не являются абсолютно автономными и самодостаточными: они осуществляются в глобальном мировом контексте, который имеет иерархизированную структуру и оказывает системно-структурное давление на отдельные национальные единицы. Сам глобальный мировой контекст является результатом перманентных межстрановых взаимодействий (в этом смысле он не является итогом целенаправленного строительства), он подвижен, но в то же время структурные зависимости, его поддерживающие, отличаются заметной прочностью, которая может сохранять силу воздействия на протяжении многих десятилетий и даже столетий.

Еще Ф. Лист обратил внимание, что страны, ранее вставшие на путь рыночной экономики и либерализма, оказываются в выигрыше, если рыночную модель удастся навязать странам с иными хозяйственными традициями: якобы равные условия свободной торговли в действительности способствуют еще большему обогащению развитых рыночных стран и деградации тех стран, которые оказались новичками в мировом рыночном про-

странстве.¹³ Следовательно, заключал Ф. Лист, либерально-рыночным странам в высшей степени выгодно навязывать собственную модель хозяйствования всем остальным, поскольку в этом случае они гарантированно оказывались бенефициарами.

Реализация в периферийных странах «третьего мира» программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Помимо «внутренних» барьеров, существовали и «внешние». Дело в том, что, осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице «мультинациональных корпораций» (позднее эволюционировавших в «транснациональные корпорации» — ТНК) сохранили экономические интересы в экс-колониях. Группы ТНК, как основные потребители и переработчики сырья были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затрудняло возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры.

Глобальные зависимости стали предметом скрупулезного изучения в рамках теорий зависимости и мир-системного анализа, которые исходят из того, что экзогенные факторы более значимы по сравнению с эндогенными. Признавая роль капитализма в обеспечении перехода от традиционного общества к современному, эти теории настаивают на том, что включение стран в «современность» осуществляется на разных основаниях, следствием чего становится многообразие «капитализмов». В частности, бедные и слаборазвитые в экономическом плане страны сохраняются в подобном состоянии специально, вследствие невыгодного товарообмена с более богатыми государствами — экономически и политически превосходящими их «метрополиями».

Один из представителей перспективы зависимости, аргентинский экономист Р. Пребиш, пришел к выводу о том, что капиталистическая мировая экономика представляет собой единое целое, четко дифференцированное на «центр», который включает в себя несколько высокоразвитых индустриальных держав («центров»), и «периферию», которую составляют в основном аграрные страны; перифе-

¹⁰ Там же. С. 70.

¹¹ См.: So A. Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990. P. 91–165; Dube S. C. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. Tokyo; London, 1988. P. 42–44; Кардозо Ф. Э., Фалетто Э. *Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации*. М., 2002; Пребиш Р. *Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива?* М., 1992; Семенов Ю. И. *Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)*. М., 2003. С. 204–212.

¹² См.: Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т.* М., 1986–1992; Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб., 2001; Он же. *Миросистемный анализ*. Введение. М., 2006; Он же. *Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация*. М., 2008; Кагарлицкий Б. *Периферийная империя: Россия и миросистема*. М., 2004; Арриги Дж. *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М., 2006.

¹³ См.: Лист Ф. *Национальная система политической экономики*. М., 2005; Попов Г. Г. *Национальное экономическое развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист VS классическая школа // Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та*. 2007. Т. 5, № 4. С. 71–85.

рийные страны находятся в экономической зависимости от «центра» («центров»), что препятствует их развитию и обуславливает их отсталость, важнейшей причиной которой является выкачивание «центрами» существенной части их доходов. В 1970-х гг. ученый сформулировал теорию «периферийного капитализма», сущность которой заключается в том, что периферийные страны, как и страны ядра, являются капиталистическими, но их капитализм качественно отличен от капитализма центральных стран: он функционирует и развивается по специфическим законам, поэтому неоклассические экономические теории не годятся для его анализа и понимания.¹⁴

Р. Пребиш считает представление о спонтанном распространении капитализма не соответствующим действительности. Он пишет: «Развитый капитализм со всей очевидностью демонстрирует свой центростремительный характер, а также стремление присваивать и господствовать. Он распространяется вширь, чтобы использовать периферию, но не для того, чтобы способствовать ее развитию. В этом проявляется глубокое противоречие мировой системы капитализма. В этом же проявляется глубокое противоречие и внутреннего развития периферии, противоречие между экономическим процессом и демократическим процессом. Так, первый обеспечивает плодами развития ограниченную часть общества. В то же время демократия может обеспечить доступ к ним более широких слоев. И это противоречие, эта конфликтная тенденция системы неизбежно ведет ее к кризису, к инфляции с различными серьезными последствиями».¹⁵

Периферийный капитализм отличается от капитализма развитых стран не степенью развития, а моделью способа производства и распределения материальных благ. Если капитализм «центров», по мнению Р. Пребиша, возникал и развивался на национальной почве как длительный органический и системно организованный процесс роста накопления капитала на базе осуществления технологических, экономических, организационных инноваций, то в странах, «запоздавших» с развитием, капитализм возникает в ходе трансплантации иностранного капитала, технологий, стандартов потребления, а также культурных ценностей, идей, идеологий и

институтов как имитационная модель, где отсутствует взаимосвязь составляющих ее компонентов.

Имитация начинается с создания рынка, на котором привилегированные слои населения могут купить все, как и в любой развитой стране, в том числе и прежде всего за счет импорта. Периферийные элиты оказываются в большей степени связанными с интересами «центров», чем со своим народом. Они приспособляются к этому хозяйственному укладу, стараясь при его помощи обеспечить собственные интересы путем инвестирования в «центр» своих средств и использования зарубежных потребительских рынков. Компрадорские элиты в союзе с иностранным капиталом усиливают зависимость собственных стран от «центров». Создается, по терминологии Р. Пребиша, «привилегированное общество потребления», что обрекает на нищету значительные слои населения и делает данную модель распределения вопиюще несправедливой. В условиях периферийного капитализма существенная часть излишка используется высшими слоями общества для имитации потребления в «центрах»; речь идет о разбазаривании в огромных масштабах потенциала накопления капитала в привилегированном обществе потребления. Следующий значительный вычет из накопления происходит за счет переводов в «центральные» страны прибылей и процентов иностранного капитала. В результате общество получает низкие темпы развития и огромную долю незанятого, маргинализованного населения, а кроме того, лишается собственной базы инноваций. Новые технологии, соответствующие вчерашнему дню экономик стран происхождения, привносятся транснациональными корпорациями и обходятся так дорого, что «съедают» еще одну заметную долю накоплений. Кроме того, модель периферийного капитализма неотвратимо ведет к «утечке мозгов».

Для периферийного капитализма, по мнению Р. Пребиша, в отличие от капитализма «центров», характерна асинхронность и даже обратная зависимость между экономическим ростом и демократизацией. Чтобы обеспечить экономический рост в условиях масштабных вычетов из общественного продукта, государство вынуждено экономить на трудящихся, для чего используется печатный станок (следствием этого является перманентная инфляция) и

¹⁴ См.: Пребиш Р. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

репрессивный аппарат, создающий предрасположенность к авторитаризму.

«...Правила игры периферийного капитализма, — отмечает Р. Пребиш,— не позволяют устранить два его крупнейших дефекта: во-первых, его отторгающий эффект, который можно было бы скорректировать лишь путем более интенсивного накопления капитала за счет сокращения потребления привилегированных слоев и уменьшения доходов, переводимых в центры, и во-вторых, его конфликтный характер, его противоречивость, усиливающуюся вследствие изменения соотношения сил в борьбе за власть между основными социальными слоями».¹⁶

Модель периферийного капитализма вскрывает важную проблему барьеров, блокирующих или тормозящих развитие. Данная модель не является всеобъемлющей: она ориентирована преимущественно на анализ стран, «запоздавших» в своем развитии и действительно испытывающих большие сложности с проведением преобразований. Сторонники мир-системной перспективы верно отмечают трансформирующее/деформирующее влияние мир-системы в лице наиболее развитых стран продвинутой модернизации на менее развитые, вследствие чего модернизации последних уже не могли протекать по тем же сценариям, которые были реализованы в первых. В итоге единство развития в глобально-системном контексте оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям функционируют разнонаправленные механизмы, следствием чего становятся обратные зависимости между динамиками развития этих регионов. Тенденции восходящего развития в одних зонах вызывают тенденции нисходящего (параллельного, «другого») развития в других. Рост капитализма в странах западного «ядра» обуславливает, например, распространение принудительного труда («вторичное закрепощение») в странах Центральной и Восточной Европы (Ф. Бродель, И. Валлерстайн); кризис перенакопления в Западной Европе сопровождается индустриальным рывком в России на рубеже XIX–XX вв.;¹⁷ деиндустриализация в США в начале 1980-х гг. оборачивается индустриальным ростом в странах полупериферии.¹⁸ Вследствие воздействия мир-системных струк-

турных зависимостей на страновые динамики модернизации последние оборачивались для одних стран положительными последствиями, для других — негативными (деформации, «ловушки», тупики развития). Из этого следует, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации, испытывавшие воздействие модернизации по-разному, включенные в эпоху модерна на разных основаниях.

Акцент на внешнюю причинность системного характера весьма важен. Действительно, динамика трансформационных переходов детерминируется, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Внешние факторы (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект) могут ускорять или тормозить процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать. Системные зависимости возникают в формате широких социальных систем (в частности, мир-систем, идентифицированных в рамках мир-системного анализа И. Валлерстайна), имеют структурную, надындивидуальную природу, обеспечивают втягивание в эпоху *modernity* различных страновых массивов, но на разных основаниях, следствием чего становится возникновение разных вариантов модернизации, в том числе и так называемого «зависимого развития», «периферийного капитализма» и т. д.

Эстафеты

В свое время известный российский филолог М. И. Черемисина указала на наличие особого рода регулятивов в сфере языка, которая регулируется механизмами двух типов — законами и правилами.¹⁹ Соотношение между ними в языкознании, по ее мнению, выглядит следующим образом: 1) законы объективны, неконвенциальны, т. е. не зависят от воли индивида или общества; правила субъективны, зависят от установки (воли) общества; 2) законы нерушимы: носители языка подчиняются им бессознательно; правила же не должны, но могут нарушаться и нарушаются носителями языка; 3) служба слежения за выполнением языковых законов — нелепость; служба слежения за выполнением правил языка необходима и существует во всех обществах; 4) законы

¹⁶ Там же.

¹⁷ Например, см.: Кагарлицкий Б. Указ. соч. С. 360–375.

¹⁸ См.: So A. Y. Op. cit. P. 238–242.

¹⁹ См.: Черемисина М. И. Законы и правила в языкознании // Методологические и философские проблемы языкознания и литературы. Новосибирск, 1984. С. 9–21.

подлежат открытию в теоретическом языкознании (пока не познаны, они «вещь в себе»); правила подлежат формулированию и внедрению в практику.

Правила вообще составляют фундаментальную особенность социальной реальности, благодаря которой человеческая история регулируется особым видом механизмов, которому нет аналога в природе. Способность человека подражать, действовать по образцам обуславливает появление закономерностей, которые являются спецификой социальной реальности, отсутствующей в физической реальности. Данные закономерности можно было бы назвать «субъективными» (это является оксюмороном лишь на первый взгляд) — субъективными регулятивами. Имеются в виду нормативы, возникающие субъективно в целях упорядочения социальной действительности путем организации определенных моделей поведения и имеющие, соответственно, субъективную природу. «Нормативное предположение о некоторой линии поведения или норме с целью принятия после последующей дискуссии и решение о принятии этой линии поведения или нормы создают эту линию поведения или норму», — пишет по этому поводу известный философ XX в. К. Р. Поппер.²⁰ Это разнообразные, созданные человечеством регулятивные системы: нормативные предписания, социальные стереотипные ценностные установки, традиции, обычаи, образцы производственной деятельности, поведения, речи, мышления и т. д., которые также властно вмешиваются в развитие социального процесса, дирижируя им, диктуя ему конкретные шаги.

Импульс «субъективной закономерности» может задавать как вполне осознанное, планируемое, точно фиксируемое волеизъявление (например, в государственном законе, политике правительства), так и спонтанное, растянутое во времени рождение образцов поведения (например, традиция). Сфера и масштаб действия и последствий «субъективных закономерностей» могут быть различными. Одно дело — этикетная инструкция, определяющая правила поведения в быту. Ф. Бродель приводит в качестве примера указ по ландграфству Эльзасскому (1624 г.), уточнявший для сведения молодых офицеров правила, которые должно соблюдать, когда они бывают

приглашены к столу эрцгерцога (например, «являться чисто одетым, не приходиться полупьяным, не пить после каждого куска, а перед тем, как пить, вытереть дочиста рот и усы, не облизывать пальцы, не плевать в свою тарелку, не сморкаться в скатерть, не пить слишком уж по-скотски...»)²¹ «Сфера компетенции» субъективных регулятивов, однако, не ограничивается лишь бытовым этикетом: она охватывает и производственную деятельность, и политическую активность, и творчество и т. д.

Поскольку субъективные регулятивы по определению носят субъективный характер, они суть некоторые правила, которые должно соблюдать, но можно и нарушать. Как отмечает Д. В. Деопик, «...нормативные источники (законы, положения о званиях и прочее) ориентированы на должное, а не на существующее. Они всегда — обобщение, основывающееся как на обобщенном описании реальности, так и на плане ее систематизации в будущем с определенной целью. Оба обстоятельства приводят к несоответствию многих положений “нормы” (представленной соответствующим обобщающим источником) и “практики” (представленной текущей документацией)».²² В связи с этим можно говорить о разных типах соотношения между нормативными системами и социальной реальностью. Возможно алегальное, нестандартное поведение, возможны индивидуальные стереотипы, окказиональное нестереотипное поведение.

Попытку схематизации в изучении «субъективных закономерностей» в свое время предпринял автор теории «нормативных систем и социальных эстафет», новосибирско-московский философ М. А. Розов. К основным положениям предложенной им теории относятся системы «экземпляров поведения» (образцы производственной деятельности, поведения, речи, мышления) и механизмы экзemplификации (копирования, воспроизведения этих образцов). «Образец, — отмечает М. А. Розов, — это всегда нечто непосредственно данное, наблюдаемое, нечто такое, что можно продемонстрировать. Воспроизведение образцов, их “передача” от человека к человеку, от поколения к поколению и образует эстафету,

²¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1986. Т. I. С. 224.

²² Деопик Д. В. Типы социальной терминологии кхмеров (VI–XIII вв.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 105. В философском плане асимметрию нормативов и фактов рассматривает К. Р. Поппер (Поппер К. Р. Указ. соч. С. 398–413).

²⁰ Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 399.

в рамках которой предшествующие акты деятельности или поведения определяют, нормируют акты последующие. ... Социальные эстафеты очень напоминают так называемые автоволны, т. е. волны в активных средах, в средах с распределенными запасами энергии. Автоволна — это самоподдерживающийся сигнал, распространяющийся как бы по эстафете и заново воспроизводящийся в каждой последующей точке среды. <...> Термин “эстафета” ориентирует на процессуальность, на воспроизведение некоторого состояния во времени. “Нормативная система” — это, наоборот, фиксация статики, фиксация синхронного среза». ²³ Под нормативными системами, таким образом, М. А. Розов понимает нечто гораздо большее, нежели мы — под рассмотренными выше субъективными регулятивами: любая акция человека в обществе выступает как актуальный или потенциальный образец, как «норматив», который может порождать или порождает последующие воспроизведения. Существенный момент теории — механизм трансляции, распространения нормативов, который имеет подобие волны и связан со способностью человека действовать по образцам. ²⁴

Как объективные, так и субъективные регулятивы выполняют во многом сходные функции. Во-первых, это поддержание социального гомеостазиса (объективные регулятивы), социальной упорядоченности (субъективные регулятивы). Во-вторых, это обеспечение трансформаций, социальных переходов, изменений. Механизмы же функционирования рассматриваемых регулятивов носят различный характер: если первые действуют структурно и кумулятивно (переход количества в качество), то вторые функционируют эстафетно, коммуникативно. Субъективные регулятивы, как, впрочем, и все, что привлекает историка, порождаются людьми, однако действие механизма эстафет осуществляется надындивидуально.

Итак, исторический процесс конструируется действиями людей, постоянно вступающих во взаимодействия. Однако исторические персонажи действуют в «обжитой» среде, заполненной унаследованными от прошлого

социальными структурами (технологическими, экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.), в среде, связанной глобальными зависимостями, обусловленными иерархическим устройством миропорядка, в среде, «пронизываемой» эстафетными механизмами, которые создаются самими людьми, теряющими впоследствии индивидуальный контроль за действием данных механизмов.

В итоге конституирующим историю началом, как нам кажется, является взаимодействие, природа которого более сложна по сравнению с человеческим действием. Последнее, само по себе очень не простое, существенно уступает в сложности взаимодействию антропологических и надындивидуальных компонентов истории, которое благодаря сетевому эффекту постоянно воспроизводит уникальные (в конечном итоге случайные) ситуации, логика которых с большим трудом может быть сведена к логикам отдельных акторов истории. Историк постоянно приходится иметь дело с ситуацией *Zusammenhang* (связь, связность), которую неоднократно акцентировал выдающийся немецкий географ К. Риттер (1779–1859), один из основоположников географии современного типа. Риттер стремился отойти от элементарного перечисления предметов и явлений внутри сегментов земной поверхности и понять взаимоотношения, причинные взаимосвязи, которые скрепляют территориальную целостность. Вновь и вновь употребляя слово *Zusammenhang*, он придавал ему смысл качественной характеристики свойства сцепления различных объектов друг с другом. Это понятие оказывается очень востребованным в гуманитарной и исторической эпистемологии нашего времени. Оно позволяет, обращаясь к исторической конкретике, выходить за пределы сегментированного мира «антропологически» сотворенной истории; открывать сетевые эффекты взаимодействий между деятельностью и структурами; видеть общество процессуальным и постоянно подверженным изменениям, которые выступают результирующей конкуренции между акторами и факторами, постоянно чередующими свои статусы — условий и результатов.

²³ Розов М. А. Методологические особенности гуманитарного познания // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 44, 45

²⁴ Там же. С. 33–54.

Ключевые слова: *антропологический поворот, методологический индивидуализм, жизненные стратегии, контекст, инфраструктурная зависимость, институт, экзогенная причинность, социальные эстафеты*

Аннотация: В статье обсуждается вопрос эпистемологических последствий антропологического поворота в исторической науке. Автор выступает против абсолютизации антропологического фактора в истории, поскольку результаты реальной истории всегда дистанцированы от целей участвовавших в ней субъектов. Выделены надындивидуальные измерения истории. Во-первых, это инфраструктурная зависимость, т. е. вероятностное воздействие предшествующих эпох и состояний на последующие (прошлое — на настоящее и будущее); созданное предшествующими поколениями наследие — технологии, материальные и институциональные инфраструктуры, геополитические и символические ландшафты и т. д. — несомненно устанавливают рамки для современной деятельности исторических персонажей. Во-вторых, экзогенная причинность (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект), которая может ускорять процессы социальной динамики, корректировать их, трансформировать, деформировать или блокировать. Экзогенная причинность порождается в рамках широких социальных систем, имеющих структурную, надындивидуальную природу. Надындивидуальный характер имеют и механизмы передачи социального опыта, приобретающие характер социальных эстафет. В итоге исторический процесс предстает как постоянное взаимодействие структур и действий, не сводимых только к проявлениям человеческого разума и воли.

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: pober@r66.ru

THE NATURE OF HISTORICAL CAUSALITY: ACTORS AND FACTORS

The article discusses the epistemological consequences of the anthropological shift in historical studies. The author argues against excessive emphasis on anthropological factor in history, since the real history effects are always distanced from the presumed goals of historical figures. Some superpersonal history measures have been identified. First, this is the infrastructural dependence, i.e. the probable effect of the preceding ages and conditions on the future periods (the effect of the past on the present and the future); the heritage created by the past generations — technological, material and institutional infrastructures, geopolitical and symbolic landscapes, etc. undoubtedly set the stage for contemporary actions of historical personages. Second, exogenous causality (systemic dependencies, interstate competition, demonstration effect), which may accelerate the processes of social dynamics, correct, transform, deform or block such processes. The exogenous causality is generated within the large-scale social systems which have a structural, superpersonal nature. The mechanisms of social transmission which often act as a social relay also have a supernatural character. As a result the historical process is presented in the form of a continuous interaction of structures and actions, which can not be reduced solely to the manifestation of human mind and will.

Key words: *anthropological turn, methodological individualism, vital strategy, the context, infrastructural dependence, the institute, exogenous causality, social relay-races*

REFERENCES

- Aron R. *Izbrannoe: Vvedenie v filosofiyu istorii* [Favorites: Introduction to the philosophy of history]. Moscow: PYeR SE Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2000, 499 p. (in Russ.).
- Arrighi G. *Dolgiy dvadtsatyy vek: Dengi, vlast i istoki nashego vremeni* [The long twentieth century: money, power, and the origins of our times]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2006, 472 p. (in Russ.).
- Braudel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries]. Moscow: Progress Publ., 1986, Vol. 1, 624 p.; 1988, Vol. 2, 632 p.; 1992, Vol. 3, 680 p. (in Russ.).

- Burger A. *Homo Historicus: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. L. Bessmertnogo* (Homo Historicus: the 80th anniversary of Y. L. Immortal). Moscow, 2003, Book 1, pp. 191–219. (in Russ.).
- Burk P. *Novoe literaturnoe obozrenie* (New Literary Observer), 2005, № 75, pp. 64–91. (in Russ.).
- Cardoso F., Faletto E. *Zavisimost i razvitie Latinskoj Ameriki* [Dependency and Development in Latin America. Experience sociological interpretation]. Moscow: ILA RAN Publ., 2002, 220 p. (in Russ.).
- Cheremisina M. I. *Metodologicheskie i filosofskie problemy yazykoznanija i literatury* (Methodological and philosophical problems of linguistics and literature). Novosibirsk: Nauka Publ., 1984, pp. 9–21. (in Russ.).
- David P. *Istoki. Iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa* (Origins. Studying the economy as a structure and process). Moscow: GU VShE Publ., 2007, pp. 139–150, 183–207. (in Russ.).
- Deopik D. V. *Problemy tipologii v etnografii* (Problems in the typology of ethnography). Moscow: Nauka Publ., 1979, pp 105–115. (in Russ.).
- Dube S. C. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. Tokio: The United Nations University; London; Atlantic Highlands (New Jersey): Zed Books Ltd, 1988, 276 p. (in English).
- Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001, Vol. 1, 332 p.; Vol. 2, 382 p. (in Russ.).
- Elias N. *Pridvornoe obshchestvo: Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii* (Court society: Studies in the sociology of the king and the court aristocracy). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2002, 368 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Strategiya i praktika issledovatel'skogo poiska v otechestvennoy istorii: regionalnyy aspekt* (Strategy and practice research results in national history: a regional perspective). Ekaterinburg: AMB Publ., 2012, pp. 25–35. (in Russ.).
- Gurevich A. Ya. *Istoricheskiy sintez i shkola «Annalov»* [Historical synthesis and school “Annales”]. Moscow: Indrik Publ., 1993, 328 p. (in Russ.).
- Gurevich A. Ya. *Novoe literaturnoe obozrenie* (New Literary Observer), 2005, № 75, pp. 38–63. (in Russ.).
- Harrison L. *Kto protsvetaet? Kak kulturnye tsennosti sposobstvuyut uspekhu v ekonomike i politike* [Who thrive? As cultural values contribute to the success of the economy and politics]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2008, 300 p. (in Russ.).
- Kim S. G. *Istoricheskaya antropologiya v Germanii: metodologicheskie iskaniya i istoriograficheskaya praktika* [Historical anthropology in Germany: methodological and historiographical practice]. Tomsk: Tomskiy universitet Publ., 2002, 196 p. (in Russ.).
- Krom M. M. *Istoricheskaya antropologiya* [Historical anthropology]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2004, 168 p. (in Russ.).
- Kupriyanov A. I. *Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendentsii poslednikh let* (Historical research in Russia. Trends in recent years). Moscow: AIRO-XX Publ., 1996, pp. 366–385. (in Russ.).
- List F. *Natsionalnaya sistema politicheskoy ekonomii* [The national system of political economy]. Moscow: Evropa Publ., 2005, 382 p. (in Russ.).
- North D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [The national system of political economy]. Moscow: FEK “Nachala” Publ., 1997, 190 p. (in Russ.).
- Nureev R., Latov Yu. *Istoki. Iz opyta izucheniya ekonomiki kak struktury i protsessa* (Origins. Studying the economy as a structure and process). Moscow: GU VShE Publ., 2007, pp. 228–256. (in Russ.).
- Piirainen T. *Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures and Everyday Life*. Helsinki: University of Helsinki, 1997, 256 p. (in English).

Popov G. G. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Economic Herald of Rostov State University), 2007, Vol. 5, № 4, pp. 71–85. (in Russ.).

Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty* [The Logic of Scientific Discovery. Selected works]. Moscow: Progress Publ., 1983, 605 p. (in Russ.).

Prebisch R. *Periferiynyy kapitalizm: est li emu alternativa?* [Peripheral capitalism: is there an alternative?]. Moscow: ILA RAN Publ., 1992, 337 p. (in Russ.).

Repina L. P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical science at the turn of XX–XXI centuries: social theory and practice of historiography]. Moscow: Krug Publ., 2011, 560 p. (in Russ.).

Repina L. P. *Odissey. Chelovek v istorii. 1990* (Odysseus. Man in history. 1990). Moscow, 1990, pp. 167–181. (in Russ.).

Rozov M. A. *Problemy gumanitarnogo poznaniya* (Problems of human cognition). Novosibirsk: Nauka Publ., 1986, pp. 33–54. (in Russ.).

Semenov Yu. I. *Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dney)* [Philosophy of history (General theory, the main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow: Sovremennye tetrady Publ., 2003, 776 p. (in Russ.).

So A. Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park: Sage Publications, 1990, 284 p. (in English).

Uvarov P. Yu. *Frantsiya XVI veka: Opyt rekonstruktsii po territorialnym aktam* [XVI century France: Experience of reconstruction on territorial acts]. Moscow: Nauka Publ., 2004, 511 p. (in Russ.).

Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [World-Systems analysis: and the situation in the modern world]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2001, 416 p. (in Russ.).

Wallerstein I. *Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsvilizatsiya* [Historical Capitalism. with Capitalist civilization]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2008, 176 p. (in Russ.).

Wallerstein I. *Mirosistemnyy analiz. Vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2006, 248 p. (in Russ.).